

Глядя на Би Хэна, Цуй Люй ощутил странное, почти мистическое чувство нереальности происходящего. Старая дружба с этим человеком всегда была полна причуд и взаимных упреков, но теперь, после долгой разлуки, он словно увидел гостя из другого мира.

Они не виделись больше двадцати лет. А если прибавить к ним те годы, что протекли в его видениях, то срок растягивался до полувека — целая вечность. И если бы в этот раз Цуй Люй не проявил осторожности, всё закончилось бы так же, как и в его кошмарах.

Генерал-губернатор Би — погиб при исполнении долга!

Цуй Люй помрачнел. Его взгляд, мгновенно ставший острым как лезвие, метнулся к главе области. Он не упустил тени досады и горького сожаления, промелькнувших на лице Янь Сю. О чём он сокрушался? О ком так искренне горевал?

Очевидно, не о благополучии высокого гостя. Мимолётное выражение лица главы области выдавало его с головой: так смотрят не на спасшегося начальника, а на сорвавшуюся добычу. Янь Сю был в ярости от того, что его замысел не удался.

Он был причастен к этому. Вне всяких сомнений.

Иначе столичные власти за столько лет сумели бы навести порядок в Цзянчжоу. Но область, отделённая от остальной империи великой рекой, жила обособленно. Указы императора здесь тонули в пучине, а налоги собирались совсем не так, как в прочих землях Данин. Чтобы сохранить хотя бы видимость единства и порядка, императорский двор годами вёл политику умиротворения, проявляя к Цзянчжоу неслыханное милосердие и мягкость.

Но во что это вылилось в итоге?

Местные власти, пользуясь неприступностью водных рубежей, ни во что не ставили присылаемых ревизоров и инспекторов. Они прекрасно знали: эпоха великих войн, когда династия утверждалась мечом, осталась в прошлом. Ныне на престоле сидел монарх, чтивший заветы Великого императора: сложить оружие, прекратить кровопролитие и дать народу покой. Пока Цзянчжоу выплачивал налоги в пределах дозволенного и хранил напускную покорность, двор закрывал глаза на любые бесчинства местных чинуш, какими бы мерзкими они ни были.

Цзянчжоу вёл себя как дерзкий, неблагодарный сын, который затыкает рот разгневанному отцу звонкой монетой. И сумма эта была столь велика, что заставляла молчать даже самых ярых критиков в столице.

Насколько велика? Налоги одной лишь этой области составляли добрую четверть всей

имперской казны.

Когда в Цзянчжоу говорили, что море в этом году спокойно, казна пухла от золота. Стоило им заявить о штормах и приливах — и империя получала лишь жалкие крохи, едва покрывавшие обязательный минимум. Разрыв между этими «урожайными» и «непогожими» годами составлял без малого три миллиона лянов серебра.

Три миллиона лянов! Чтобы собрать такую сумму, Цзиннаню и Хэчжоу пришлось бы исправно платить налоги два года подряд, и это при условии идеальной погоды и небывалого процветания.

Цзиннань — край гор, густых лесов и гибельных болот. Его люди отважны, но бедны; они веками жили бок о бок с ядовитыми туманами и насекомыми. Неудивительно, что там была создана уникальная армия гу, которая ещё до основания империи тайно присягнула Великому императору.

Нынешний монарх, следуя воле отца, ежегодно тратил огромные средства на поддержку жителей Цзиннаня. Налогов с тех земель почти не поступало. Однако этот регион обладал незаменимой ценностью: он был главной аптекарской сокровищницей империи Данин. Лекарства оттуда шли напрямиком в Северные земли и во все военные госпитали страны.

Лишь малая плотность населения мешала Цзиннаню процветать за счёт торговли травами. Государство вкладывало в этот край огромные силы, надеясь, что однажды окрепший народ сможет сполна отплатить империи.

Другие могли лишь гадать о будущем, но Цуй Люй знал наверняка: в грядущем именно в Цзиннане откроются лучшие медицинские институты и фармацевтические заводы, которые вознесут экономику региона на небывалую высоту. Грёзы Великого императора о процветании потомков станут реальностью.

Но для нынешнего правителя это была лишь бездонная яма, поглощающая деньги. Император был вынужден терпеть дерзость Цзянчжоу ради их налогов, которые шли на содержание таких вот «убыточных» провинций. Горькая ирония власти.

А что до Хэчжоу? Это был вечный нахлебник, живший лишь за счёт милости двора. Если у Цзиннаня хотя бы виделось великое будущее, то Хэчжоу казался безнадежным. Сколько серебра туда ни вливай — толка не было, по крайней мере, при нынешних знаниях и возможностях.

Цуй Люю довелось увидеть чудо в своих видениях — проект поворота рек с юга на север. Но сейчас, в это время, реализовать подобное было невозможно. Если только не явится небожитель и не прикажет водам течь вспять.

Цуй Люй знал решение, но какой в том прок? Нет технологий, нет машин, нет тех дивных

механизмов, способных дробить скалы. Знать и видеть — одно, а сделать — совсем другое. Ему оставалось лишь вздохнуть о невозможном.

Впрочем, стоило ли ему ломать над этим голову? Его собственная семья была на краю гибели, а он будет печься о том, накормлены ли крестьяне в Хэчжоу, изнывающем от засухи? Он не был святым.

Даже святые не обделены личным интересом. А он — всего лишь смертный, старый провинциальный богач, над чьей головой занесён меч, а на шее затягивается петля. Государственные дела и нужды народа не имели к нему никакого отношения. Совсем никакого.

Потому он сделал вид, будто не расслышал вопроса Би Хэна.

Но кем был Би Хэн?

Это был человек прямодушный до невозможного, из тех, кто никогда не даст вам уклониться от ответа. Он любил докапываться до самой сути, до каждой мелочи. В юности Цуй Люй был очарован этой его чертой, видя в нём родственную душу, но позже осознал: такая прямота подобна обоюдоострому клинку — одно неловкое движение, и ты весь в крови.

Би Хэн был тем, от кого проще убежать, чем спорить.

Это не значило, что Цуй Люй его недолюбливал. Он искренне восхищался его страстью, его верой в правое дело и нежеланием сдаваться перед трудностями. Сам Цуй Люй на такое был не способен. Жизнь научила его правилу: отдавай делу семь частей сил, а три оставляй на волю Небес. Подготовь почву, сделай что должно, а дальше — пусть всё идёт своим чередом.

Но Би Хэн был иным. Он был подобен пламени: если уж брался за что-то, то горел без остатка, не жалея ни себя, ни других. Он мчался вперёд, не чувствуя усталости, тогда как спутники его выбивались из сил. На этой почве и рождались их вечные раздоры.

В учёбе, в быту, в делах — Би Хэн всегда был натянут как тетива, идя напролом до самого конца.

Цуй Люй же быстро утомлялся. Он был простым сельским сюцаем из глуши, чей родовой устав велел держаться в тени. Даже если в голове у него роились тысячи идей, он предпочитал высказать их за чаркой вина и на том успокоиться. Одна ночь споров о стратегии на бумаге — вот и весь предел его амбиций. Он никогда не стремился к славе или высоким чинам.

Но Би Хэн считал, что талант друга зарыт в землю, и всеми силами пытался вытащить его на свет. Несмотря на разницу в пятнадцать лет, они общались как равные, часто сокрушаясь о том, что не встретились раньше.

В тот памятный год Би Хэн прибыл в Цзянчжоу навестить друзей вместе с семьёй. Они встретились в уезде Хуйцюй, у подножия горы Юньянь — той самой преграды, что веками мешала уезду процветать.

Би Хэн сокрушался на вершине, а Цуй Люй прикидывал на склоне: оба они грезили о том, чтобы взорвать скалу и пустить воду на поля. Но в те времена весь порох был под надзором Пяти великих кланов, и простому человеку его было не достать. Даже официальные прошения чиновников проверялись с пристрастием, стоило им хоть на йоту превысить норму. Грёзы оставались грёзами.

Однако та смелая идея Цуй Люя заставила Би Хэна поверить, что он нашёл единомышленника. Он, будучи чиновником, не побоялся снизойти до дружбы с неизвестным студентом. Цуй Люй тогда только возглавил клан и жил в гнетущей атмосфере старой усадьбы под надзором скорбящих дяди и тёти. Если бы у него был выбор, он никогда не принял бы на себя бремя главы рода. Дружба с Би Хэном стала для него отдушиной, глотком свежего воздуха в душной клетке семейных обязательств. Он был тронут вниманием высокопоставленного друга и отвечал ему самой искренней преданностью.

Но пламя не только светит — оно ещё и обжигает. Со временем Цуй Люй понял, что Би Хэн слишком одержим. Для него мир делился только на чёрное и белое. Цуй Люй долго терпел его вспыльчивость, но в конце концов не выдержал: Би Хэн готов был из-за любого пустяка стучать кулаком по столу, доказывая свою правоту.

В какое время это было?

Это были последние, безумные дни перед падением Пяти кланов. Цуй Люй мечтал лишь об одном — спрятаться так глубоко, чтобы его семья исчезла с глаз разгневанных владык. Но Би Хэн не унимался. Видя нищету Хуйцюя, он раз за разом обивал пороги главного города области, требуя пороха для взрыва горы, и совал чиновникам чертежи каналов, которые Цуй Люй набросал в пьяном угаре.

Узнав об этом, Цуй Люй пришёл в ужас. Той же ночью он ворвался в кабинет друга. Они кричали друг на друга, разбили стол, разнесли аквариум с рыбками и разошлись, став почти врагами.

Именно тогда Цуй Люй осознал страшную истину: Пять великих кланов в Цзянчжоу пали, но их морские крепости уцелели. Когда империя возвращала область под свою руку, количество уничтоженных судов в отчётах не сошлось с действительностью — почти половина флота кланов бесследно исчезла.

Би Хэн пробыл в Цзянчжоу недолго, но тоже почуял неладное. Доказательств у него не было, и он едва не подставил Цуй Люя под удар. Тот, подозревая, что и на его собственных землях могут быть тайники, не смел открыться другу. Так они и рассорились вконец.

Однако из-за тайных донесений Би Хэна столица узнала о скрытых соляных промыслах и

пропавших кораблях. После возвращения Цзянчжоу встал вопрос: кого назначить главой области? Присланный из центра чиновник за год не смог разобраться в местных интригах и к концу срока довёл казну до дефицита.

Лишь после этого, по негласному соглашению, на пост назначили местного — Янь Сю. И Цзянчжоу вновь стал исправно платить налоги, став опорой бюджета Данин.

А что Би Хэн?

Он вернулся в Хэчжоу и вскоре стал там генерал-губернатором. Его тесть с дочерью остались в Цзянчжоу ещё на какое-то время. В те дни Би Хэн прислал Цуй Люю письмо. Он описал Хэчжоу: бесконечные пески, безмолвную пустошь до самого горизонта и лютый ветер, несущий пыль в глаза. Каждая строка кричала о его тоске по великим рекам и синему морю.

Предки Цуй Люя веками собирали старинные карты. Даже не покидая дома, Цуй Люй мог найти на них любое русло, любое изменение земного рельефа.

Вновь поддавшись очарованию самоотверженности друга, он ночи напролёт изучал карты водных путей и горные рельефы. При свете догорающих свечей он набрасывал для Би Хэна новые проекты, описывая способы очистки заилённых земель и опреснения солончаков.

Это его и сгубило. Би Хэн, схватив эти письма, помчался в столицу. Каким-то чудом он сумел добиться аудиенции у Великого императора — и это в самый разгар передачи власти наследнику! Государь нашёл время выслушать его. О чём они говорили, Цуй Люй не знал, но император не одобрил чертежи водных путей. Он лишь похвалил смелость мысли автора, назвав её «любопытным полётом фантазии». Позже Би Хэн передал слова монарха Цуй Люю: «Проект неосуществим. При нынешнем уровне знаний и сил людей такое строительство невозможно. Быть может, через десятилетия, когда империя окрепнет, стоит попробовать».

Но Би Хэн пропустил всё мимо ушей, запомнив лишь заветное: «стоит попробовать». Он снова примчался в Цзянчжоу, требуя, чтобы Цуй Люй ехал с ним в Хэчжоу для осмотра местности. Ведь император сказал, что рисовать чертежи без личного осмотра — значит проявлять наивность и глупость. Мысль хороша, но невыполнима.

Однако в этих словах Би Хэн увидел надежду. Он свято верил, что Цуй Люй сможет помочь ему напоить иссушённый Хэчжоу. Ради этого... ради этого он даже предложил отдать свою дочь ему в жёны.

Сколько ей тогда было?

Всего двенадцать. Каждый раз, когда Цуй Люй бывал у них в гостях, девочка застенчиво называла его «дядей». А как иначе, если он звал её отца братом? Хотя разница в возрасте у них была невелика, в глазах Цуй Люя статус «дяди» делал любые мысли о браке кощунством. Би Хэн же в своём фанатизме решил использовать даже родную дочь!

Цуй Люй был в ярости.

«Я звал тебя братом, а ты метишь мне в тестя! Да ещё и подсовываешь ребёнка, который даже не вошёл в возраст невесты, лишь бы заманить меня в свой Хэчжоу! Чтобы я там надрывался над твоими каналами, да ещё и растил твою дочь? Ну и хитрец же ты, господин генерал-губернатор!»

Молодой Цуй Люй был горяч и остр на язык. Он не думал о выгоде иметь такого тестя — он чувствовал себя оскорблённым. В сердцах он принёс торжественную клятву: никогда в жизни он не покинет не только Цзянчжоу, но и родной уезд Хуйцзюй. «И если я когда-нибудь сделаю хоть шаг за его пределы, то лишь в тот день, когда признаю твою правоту!» — выкрикнул он.

Они снова расстались во вражде.

Именно тогда Цуй Фэн, снедаемый завистью к вниманию дочери губернатора, тайно выследил Цуй Люя. Это случилось в тот день, когда Би Тинлянь привезла письмо от отца. Би Хэн не мог долго оставаться в Цзянчжоу, но, осознав свою оплошность с предложением брака, всё же не хотел терять талантливого друга. Он велел дочери передать письмо и попытаться поговорить с Цуй Люем с глазу на глаз.

Цуй Люю тогда было почти двадцать. Тётушка уже всю подбирала ему невесту. Би Тинлянь, хоть ей было всего двенадцать, видела в этом статном юноше, которого так хвалил её отец, свой идеал. Цзянчжоу с его горами и прозрачными реками казался ей раем. Она не хотела возвращаться в пыльный Хэчжоу, где песок забивается под одежду. Она радостно согласилась передать письмо и сама призналась Цуй Люю, что готова выйти за него — нужно лишь подождать три года, пока ей исполнится пятнадцать.

Но законы клана Цуй были суровы: мужчина обязан жениться и обзавестись потомством к двадцати годам. Особенно это касалось главы рода. Его дядя, потерявший единственного сына, просто не пережил бы промедления. Цуй Люй знал: если он затянет с женитьбой, старик умрёт прямо перед поминальными табличками предков. И неважно, чья это дочь — хоть самого губернатора! Клану Цуй нужно было продолжение крови, а не высокие связи.

Цуй Люй мягко отказал девочке. Он сказал ей прямо: «Мне нужно много детей. Я не хочу, чтобы мой род прервался из-за несчастного случая, как это едва не случилось с моим дядей. У меня будет как минимум три сына. Дочери в этот счёт не входят. Поэтому моей женой должна стать крепкая, здоровая девушка. Пусть она не будет красавицей, но если она сможет родить мне наследников, я буду верен ей одной до конца дней».

Би Тинлянь была потрясена. Она и в кошмаре не могла представить, что ей откажут по такой причине. Обида захлестнула её, и она, хлопнув дверью, убежала в слезах.

Двенадцатилетняя девочка, только начавшая осознавать свою красоту, мечтавшая о возвышенных чувствах... и услышать в ответ: «Рости побольше, стань сильной как буйвол и рожай мне по ребёнку в год». Любая бы на её месте пришла в ярость.

Сватовство, разумеется, прахом пошло. Би Хэн позже прислал гневное письмо, в котором костил Цуй Люя на чём свет стоит: «Если уж решил отказать, мог бы сделать это по-человечески, а не пугать ребёнка! Девчонке теперь роды в каждом сне чудятся, она из своей комнаты носа не кажет, боится мужчин и клянётся никогда замуж не выходить!»

Цуй Люй в долгу не остался и ответил не менее едко: «Сам виноват, подло прикрылся дочерью, думая, что я при ней побоюсь сказать правду. Ну вот, я и сказал как есть. Она сама не захотела, так чего же ты меня винишь?»

На том их переписка и дружба прервались окончательно.

Но какими бы ни были их раздоры, Цуй Люй не мог позволить убить его прямо у него на глазах. Би Хэн, при всей своей несносной одержимости делами, заслуживал уважения. Его преданность долгу вызвала невольное желание защитить его.

Он был как клочок твердой земли среди коварного болота — глядя на то, как он изнуряет себя ради родного края, ты невольно начинал верить, что в этом мире ещё остались люди, живущие ради великой цели. Он хотел изменить мир в одиночку, и Цуй Люй, не имея собственных амбиций, всегда втайне поддерживал таких безумцев.

Потому сейчас он смотрел на Янь Сю с нескрываемой, лютой жадной мести.

За долгие годы правления в Цзянчжоу этот человек, кажется, забыл простую истину: область — не его личное поместье, и он здесь — не царь и не бог. Цзянчжоу принадлежит империи Данин, и все они, включая главу области, лишь её подданные.

Би Хэн же продолжал вещать, не умолкая ни на миг:

— Я за эти годы все твои чертежи каналов на местности проверил! Люй-цин, раз уж ты покинул Хуйцзюй, в этот раз ты непременно должен поехать со мной в Хэчжоу!

Цуй Люй промолчал, но мысленно взял свои слова о мести назад. Этому болвану самое место в пасти у рыб — там он хотя бы замолчит.

Какая несносная привычка! Едва встретились, а он и не думает о деле — о двух отрядах, готовых вцепиться друг другу в глотки!

— Господин инспектор! Би Хэн! Зачем вы прибыли в Цзянчжоу? И что это у вас с волосами? — Цуй Люй вспыхнул от гнева и, забыв о приличиях, схватил Би Хэна за воротник, гневно сверкая глазами.

Би Хэн на миг опешил, потом неловко попытался пригладить растрёпанную седину и тяжело вздохнул:

— Люй-цин... брату твоему уже шестьдесят два года исполнилось!

Голос его стал глухим, а лицо — безмерно печальным:

— В прошлом году я сильно занемог. И подумал: под конец дней своих я просто обязан ещё раз увидеть тебя в Цзянчжоу. Ох и суров ты сердцем, Люй-цин! Столько лет ни строчки мне не прислал. Ну да ладно, раз ты не шёл ко мне — я сам пришёл!

Цуй Люй запнулся, голос его дрогнул:

— Так вы приняли это назначение только ради встречи со мной?

Би Хэн закивал:

— А как иначе? В Цзянчжоу сейчас ох как неспокойно! Другие инспекторы жребий тянули, лишь бы сюда не ехать. А я... разве поехал бы я в такую даль из своего Хэчжоу, не будь здесь тебя? Разве стал бы рисковать головой?

Он смотрел на друга так, словно спрашивал: «Ну что, тронут ты или нет?»

Если бы Цуй Люй не знал его как облупленного, он бы снова попался на эту удочку. Он лишь холодно усмехнулся:

— Выходит, вы знали об опасности? И при этом решили ехать тайно, на углой лодчонке? У вас что, совсем в голове... — он вовремя прикусил язык, не договорив «пусто».

Заметив, что все взгляды устремлены на них, Цуй Люй взял себя в руки. Он отстранился и легонько подтолкнул Би Хэна к застывшему Янь Сю:

— Сначала займитесь делом.

Би Хэн довольно хмыкнул, выудил из-за пазухи золотую табличку, украшенную нефритом, и, прочистив горло, зычно провозгласил:

— Я — Би Хэн, императорский уполномоченный инспектор по соляным и налоговым делам! Со мной прибыли госпожа Цзи Байлин, уполномоченная четвёртого ранга, назначенная Его Величеством, и командир Цю, предводитель дарованной императором конной гвардии!

Цуй Люй насторожился. Эти имена — Цзи и Цю — явно имели за собой великую историю.

И точно: Би Хэн, склонившись к его уху, зашептал:

«Прадед этой девицы, Цзи Личунь, был верным сподвижником Великого императора, делил с ним тяготы походов. Видишь, как она за меч хватается? Всё потому, что сам император обучал её воинскому искусству. В столице её все знают — настоящая воительница! Не зря Великий император назначил её в инспекционную палату Департамента по делам женщин. Даровал ей право усмирять любого заносчивого мужчину!»

Цуй Люй моргнул, а Би Хэн продолжал выдавать сплетни:

«А род этого командира Цю издавна был личной гвардией императорского дома. Свои люди, из самых верных... Странно всё это! Почему его отправили охранять госпожу Цзи?»

Он погрузился в раздумья прямо посреди двора, заставив Цуй Люя нахмуриться. Старик не выдержал и прикрикнул:

— Хватит болтать! Девушку требуйте!

Если немедленно не вмешаться, та девица Ли Янь может окончательно лишиться рассудка и выпустить своих ядовитых тварей на всех присутствующих.

<http://bllate.org/book/16118/1585667>